

**ВЕК XIX И ВЕК XX: ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (К ВОПРОСУ
О ВОЗМОЖНОСТИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА РОМАНОВ
А.Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ» И Ф. СОЛОГУБА «МЕЛКИЙ БЕС»)**

Федорова Елена Леонидовна, кандидат филологических наук, Юридический институт Российского университета транспорта (РУТ-МИИТ); 127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9; e-mail: FedorEL2016@yandex.ru.

Ковалева Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, Юридический институт Российского университета транспорта (РУТ-МИИТ); 127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9; e-mail: kovalev@mail@gmail.com.

В статье исследуются особенности поэтики повседневности провинциального города в произведениях Писемского и Сологуба, а также анализируются художественные приемы в описании картин действительности XIX века и века XX. Сопоставительный анализ описания картин повседневности позволяет расширить и углубить представление о творческой манере восприятия действительности писателями.

Ключевые слова: провинциальный город, Писемский, Сологуб, сопоставительный анализ

**XIX CENTURY AND XX CENTURY: PROVINCIAL EVERYDAY LIFE
(ON THE POSSIBILITY OF COMPARATIVE ANALYSIS OF NOVELS
"THOUSAND SOULS" BY A. F. PISEMSKY AND "LITTLE DEMON"
BY F. SOLOGUB)**

Fedorova Elena L., PhD of linguistics, assistant professor, Law Institute of Russian University of Transport (RUT-MIIT); 115582, Russia, Moscow, Kashirskoye sh. 148/1, 21; e-mail: FedorEL2016@yandex.ru.

Kovaleva Olga S., PhD in History, assistant professor, Law Institute of Russian University of Transport (RUT-MIIT); 115404, Russia, Moscow, 6th Radialnaya 5/1, 44; e-mail: kovalev@mail@gmail.com.

In the article the special aspects of poetics of a provincial town's everyday life in the pieces of writing by Pusemsky and Sologub are studied, as well as the artistical devices in describing real life scenes of XIX century and XX century are analysed. The comparative analysis of everyday life scenes description allows to expand and extend the idea of the writers' creative manners of real life perception.

Keywords: provincial town, Pisemsky, Sologub, comparative analysis

Повседневность и быт всегда были привлекательны для писателей. Без описания уклада жизни, её строя герой часто оставался не очень понятен, не очень близок читателю. Ещё Н.М. Карамзин в повести «Бедная Лиза» большое внимание уделял описанию повседневных дел и забот главной героини, местности, где она жила, и достиг такой высокой степени достоверности картин её жизни, что вымышленная художественная реальность заставила искать в действительности места Лизиных страданий.

Ю.М. Лотман в книге «Беседы о русской культуре» писал о том, как важно иметь представление о культурно-историческом контексте того или иного века: «Человек меняется, и, чтобы представить себе логику поступков литературного героя или людей прошлого – а ведь мы равняемся на них, и они как-то поддерживают нашу связь с прошлым, надо представлять себе, как они жили, какой мир их окружал, каковы были их общие представления и

представления нравственные, их служебные обязанности, обычаи, одежда, почему они поступали так, а не иначе» [13, с. 9]. Одной из составляющих повседневности Лотман считает быт – «это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение. <...> Вещи властно диктуют жесты, стиль поведения и в конечном итоге психологическую установку своим обладателям» [13, с. 10–11].

А.П. Чудаков в работе «"Внешнее" Достоевского» вообще считал, что автор «не может обойтись без внешнего, физического проявления действительности, иначе рискует быть непонятым» [18, с. 94].

Конечно, символизм и реализм находятся в разных художественных координатах, и в основе одного лежит совсем иное восприятие действительности, через символ, знак, особую недосказанность, однако и Сологуба и Писемского признавали непревзойденными художниками, фотографами провинциальной городской действительности. Она укоренилась в них и не могла быть не вызвана их талантом, претворённом в тексте. Оба прошли через маленькие городки, один служил чиновником, другой – учителем. Оба ежедневно сталкивались с повседневным бытом и укладом, людьми. Один в XIX веке, другой – на пороге века XX.

Целью исследования является изучение особенностей поэтики повседневности провинциального города в произведениях Писемского и Сологуба, а также анализ художественных приёмов в описании картин действительности XIX века и века XX.

Картины повседневности могут быть эпизодичны, а иногда и занимать центральную роль в повествовании. Они могут подаваться писателями либо беспристрастно, в некоей «объективной данности», либо как чьи-то впечатления от увиденного, где наиболее ярко выражается субъективное чувство восприятия действительности. Представляется актуальным изучение творчества писателей именно в этом ракурсе, что позволит в значительной степени расширить и углубить представление о творческой манере восприятия действительности Писемским и Сологубом.

Теме провинциального города XIX и XX вв., описанию картин жизни, его быта и уклада большое внимание уделяют современные исследователи не только в области литературы, но и культуры, семиотики, истории. В книге «Русская провинция: миф-текст-реальность» (2000), которую можно назвать первой коллективной монографией по проблемам русской провинциальной культуры, Р. Казари справедливо отмечает, что «...русская литература – особенно проза прошлого века, разработала весьма разнообразный «провинциальный текст», внутри которого можно выделить одну линию, довольно чёткую и самостоятельную. Это – образ русского провинциального города» [11, с.164].

Деление на два полюса «провинция – столица» показывает географические, экономические, политические культурные различия. Российская провинция является неким государством в государстве со своими законами и нормами поведения. Житель провинции ощущает свою обособленность от центра. Во вступительной части коллективной монографии «Геопанорама русской культуры. Провинция и её локальные тексты» составители отмечают, что провинция – это «понятие для русской культуры неоднозначное и даже болезненное. Провинция обычно рассматривается как антитеза столице, и, соответственно, все евразийское пространство России, за исключением двух точек, двух городов-столиц, Москвы и Петербурга, по определению является провинцией» [5, с. 10].

Изучение пространства, традиций, правил поведения, семейных и служебных отношений показывают жизнь героя и его взаимодействие с окружающей средой. «Эти детали – своеобразные коды, позволяющие расшифровывать авторский замысел. И при всей их документальности, позволяющей апеллировать к опыту человека, живущего в Тольятти или Самаре, они вос-

принимаются и как универсалии художественного мира, создающие образ провинциального города как такового» [16, с. 295].

Обратимся к описанию провинции в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес». Сравнительно небольшой по объёму, роман «Мелкий бес», по признанию автора, создавался десять лет, с 1892 по 1902 год. Начало работы над романом совпадает со временем переезда Сологуба в Петербург, которым завершилось тяжелейшее в его жизни десятилетие – время учительствования в провинциальном городе.

Современниками роман был встречен неоднозначно, но произведением зачитывались. Отмечали в романе как его реалистическую сторону, так и фантастическую. Зинаида Гиппиус в статье «Отрывочное о Сологубе» отметила, по её мнению, главную черту произведений писателя, которая отличает его от всех других авторов того времени: «В романах у него, и в рассказах, и в стихах одна черта отличающая: тесное сплетение реального, обыденного с волшебным. Сказка ходит в жизни, сказка обедает с нами за столом – и не перестаёт быть сказкой» [6, с. 96–97].

Андрей Белый в статье «Ф. Сологуб» размышляет о значении творчества писателя для литературы и, в первую очередь, реалистической: «Из глубин реализма Сологуб вычертил формулы своей фантастики: недотыкомку, елкича и др.; он – омега реализма. Сологуб поднял знамя открытого восстания в недрах реализма» [2, с. 580].

А. Блок в статьях «О реалистах» и «Творчество Фёдора Сологуба» обращает внимание на мастерство писателя-реалиста в изображении быта в романе «Мелкий бес»: «Без сомнения, это реалистический роман и бытовой. Тонко владея приемами реалистической повести, он позволяет читателю жить простыми бытовыми сценами и умными житейскими наблюдениями» [3, с. 18, 19].

Отмечая отсутствие писательского таланта у Ф. Сологуба, Вл. Ходасевич в своих воспоминаниях пишет: «Несовершенна, слишком несовершенна казалась Сологубу жизнь. "Земное бремя – пространство, время" слишком часто было ему тяжело. И люди его не прельщали: "мелкого беса" видел он за спиной у них. Познакомившись с Передоновым, русское общество пожелало увидеть в нем автопортрет Сологуба. "Это он о себе", – намекала критика. В предисловии ко второму изданию своего романа Сологуб ответил спокойно и ясно: "Нет, мои милые современники, это о вас". О нем было принято говорить: злой. Мне никогда не казалось, однако, что Сологуб деятельно зол. Скорее он только не любил прощать» [17, с. 24].

Неоднозначно было оценено творчество Писемского, которого называли фактографом, бытописателем, создателем безгеройной прозы. Сыпались упреки в плоскости образов героев в том, что герои полностью зависимы от социальной бытовой действительности. Обвиняли его в отсутствии идеала, в неспособности подняться над пошлостью жизни. Н.В. Шелгунов замечает, что у Писемского «чисто внешний, рефлексивный ум, холодный. <...> Автор рисует провинциальные городки, провинциальных людей, рисует муравьев в их муравейниках...» [19, с. 40–41]. Таким образом, писателю отказывалось в понимании человеческой психологии, что совсем не соответствует действительности.

Однако были и те, кто видел в методе воспроизведения повседневности достоинство писателя. Среди исследователей творчества писателя можно назвать А.И. Журавлеву, которая в работе «Русская драма и литературный процесс XIX века» отмечала, что «...установка Писемского – считать первоосновой художественного творчества верность жизненной реальности, факту действительности – была для него благотворной» [9, с. 70]. Именно это, по мнению исследователя, позволило писателю получить такой литературный материал, который давал возможность читателю делать самостоя-

тельные выводы. Однако Журавлева также полагает, что Писемский создал так называемую безгеройную прозу, что стало одной из причин малого интереса читателя XX века к его сочинениям.

А.А. Захаров в статье «Провинция в изображении А.Ф. Писемского: к проблеме метода» разделяет точку зрения А.И. Журавлевой и видит художественный метод отражения действительности писателем в «воспроизведении атмосферы подлинности происходящего, выявлении типического и непредвзятости суждений» [10, с. 43].

Современные исследователи проявили интерес также и к творчеству Сологуба. Одни исследователи больше внимания обращали на реалистические черты произведения, другие же подчёркивали тесное сплетение фантастического и реального, отмечали насыщенность романа бытом, повседневностью.

Л.А. Колобаева в книге «Русский символизм» пишет о двойственности творчества писателя. Она говорит о двух крайних полюсах творчества, на одном из которых располагается «чудовищное жизни», а на другом – «необходимое» чудо, творимое фантазией [12, с. 90].

М.М. Дунаев в пятой части книги «Православие и русская литература», в главе «Русская литература конца XIX – начала XX столетия», размышляя о творчестве Сологуба, отмечает некий приём автора, с помощью которого тот создает и преодолевает художественную реальность романа «Мелкий бес», что непосредственно связано с двойственностью восприятия действительности писателем: «Сологуб вошёл в реализм, чтобы преодолеть его, доведя до гротеска, до абсурда то, что уже было близко к гротеску и абсурду» [8, с. 209].

В.И. Анненский-Кривич однажды записал одну из бесед с Сологубом, где они обсуждали вопросы построения прозаических вещей. Сологуб обратил внимание своего собеседника на то, что он, как писатель, всегда пользуется планом: «Вот так и в "Мелком бесе" надо точно знать по какому-нибудь источнику: какие цветы когда цветут, что может здесь вырасти под забором, что в клумбах, когда именно и что цветет на огороде...». Автор статьи также поинтересовался, о каком городе идёт речь в «Мелком бесе», на что Сологуб ответил: «Так, средний маленький городишка северной России» [1, с. 255].

Его манера почти болезненного восприятия действительности давала исключительную возможность разрыва с ней. Это тот камень, от которого можно было оттолкнуться, преодолевая земное притяжение. Чем точнее детали быта в романе (выписаны почти с анатомической точностью цветы, дороги, обои, чаепития), тем фантазмагоричнее и невозможнее становится пошлость и жестокость провинциальной жизни и люди в ней. Возможно, такое восприятие действительности героем – это восприятие больного сознания, которое видит мир, красоту в искаженном виде.

В интервью А.А. Измайлову Сологуб признаётся: «Читатель ищет отражения моей жизни в моих книгах. Не отрицаю, я отталкивался от живых впечатлений жизни и иногда писал с натуры. Педагогический мир в «Мелком бесе» не выдуман из головы. Но, отталкиваясь от живого факта и расцвечивая его фантазией, я всегда избегал прямой портретности» [7, с. 228].

Оба писателя, Писемский и Сологуб, умели оценить достоинство живого факта в произведении, естественность, простоту и документальную точность.

Действие романа Сологуба на протяжении всего времени разворачивается в провинциальном среднем городишке северной России, который не имеет названия. Главный герой произведения – гимназический учитель Передонов, перемещающийся на протяжении всего произведения из одного конца города в другой почти всегда пешком. Можно обозначить некие пространственные точки, к которым то направляется герой, то отталкивается от них: дом, который снимает Передонов, дом Натальи Афанасьевны Вершиной, дом барышень Рутиловых, гимназия, Английский клуб, где мужчины пьют пиво и играют на бильярде, церковь, «каменное, в два жилья, здание казармен-

ного вида, окрашенное в ярко-красный цвет, на базарной площади» [15, с. 263] дом общественного собрания. И лишь всего несколько раз Передонов выезжает за пределы города.

Одним из существенных мотивов произведения является мотив дороги. Она соединяет одну точку в пространстве города с другой. Передонов часто ходит пешком: «...по немощеным, пустым улицам, заросшим лежачею мшанкою с белыми цветами да жерухою, травою, затоптанною в грязи» [15, с. 14]. Читатель может живо представить себе мшанку – вечнозеленое растение похожее на мох, и жеруху – лекарственное растение, использующееся при нервных расстройствах в качестве успокаивающего средства. Улицы «немощенные» – можно предположить, что в дождливую погоду дороги на улице превращаются в непролазную грязь. Автор предельно точен в деталях, и это чем-то напоминает фотоснимки.

У Писемского в романе «Тысячи душ» в изображении города мы найдём широкие панорамные картины, эпическое полотно, написанное крупными мазками: «Часов в шесть, например, летнего утра, солнце поднялось уже довольно высоко. В маленьких мещанских домишках начали просыпаться. Стал показываться из труб дым, по улицам распространился чувствительный запах рыбы и лука – признак, что хозяйки начали стряпать. Из слободы сошли к берегу два запоздалых рыбака и, помолвившись на собор, спустили лодки. Из ворот по временам выходят с коромыслами на плечах и, переваливаясь с ноги на ногу, проворно идут за водой краснощекие и совсем уже без талии, но с толстыми задами мещанские девки, между тем как матери их тонкими, звонкими голосами перебраниваются с такими же звонкоголосыми соседками. На каждом почти дворе клопочут без умолку проголодавшиеся куры» [14, с. 59].

Но именно эта тихая, спокойная, размеренная и в то же время сонная, по мнению героя Калиновича, жизнь, где каждый день похож как «ворон на ворону», и засасывает его, как болото, раздражает. В конце концов заставляет его бежать.

Сологуб иначе характеризует город. Это точные, быстрые движения художественной мысли, напоминающие уколы: «На улицах было почти везде грязно, хотя дождь прошёл ещё вчера вечером. Дрожки только изредка продребезжат по каменной настилке и опять вязнут в липкой грязи на немощеных улицах» [15, с. 38]. Дороги в городе всегда грязные, заросшие каким-то сором, и неважно, солнечная погода или идёт дождь. Дорога резко меняется, если ведет из города: «Было не жарко. Солнце склонялось. Дорога, омоченная утренним дождем, не пылила. Тележка ровно катилась по мелкому щебню» [15, с. 68].

Читатель наблюдает город с двух точек зрения, одна принадлежит автору, другая – Передонову. Город автора реалистичен и, возможно, где-то действительно в России существует, но есть и городишко Передонова, который видит его сквозь призму своих чувств, а их чаще всего два: страх и тоска. Состояние героя проецируется на восприятие им действительности, и чем хуже оно, тем более фантастичным видится город Передонову. Нельзя сказать, что эти два восприятия города жестко разведены, иногда они сливаются в нерасторжимое единство.

Авторы произведений понимают, насколько важно передать внутреннее состояние героев, когда они воспринимают действительность. Есть некая условно художественная реальность бытия текста, и есть персонажная внутренняя реальность, которая не совпадает, и так возникает диссонанс, ведущий к событию.

Передонов смотрит на город, в котором он живёт, и тоска, рождённая то ли в его сознании, то ли впечатлениями, полученными от созерцания городской улицы, создает некую страшную, почти мифическую картину удушающей

повседневности: «Опять была пасмурная погода. Ветер налетал порывами и нес по улицам пыльные вихри. Близился вечер, и все было просеянным сквозь облачный туман, печальным, как бы не солнечным светом. Тоскою веяло затишье на улицах, и казалось, что ни к чему возникли эти жалкие здания, безнадежно-обветшалые, робко намекающие на таящуюся в их стенах нищую и скучную жизнь. Люди попадались, – и шли они медленно, словно ничто ни к чему их не побуждало, словно едва одолевали они клонящую их к успокоению дремоту. Только дети, вечные, неустанные сосуды Божьей радости над землею, были живы, и бежали, и играли, – но уже и на них налегала косность, и какое-то безликое и незримое чудище, угнездясь за их плечьями, заглядывало порою глазами, полными угроз, на их внезапно тупеющие лица.

Среди этого томления на улицах и в домах, под этим отчуждением с неба, по нечистой и бессильной земле шел Передонов и томился неясными страхами, – и не было для него утешения в возвышенном и отрады в земном, – потому что и теперь, как всегда, смотрел он на мир мертвенными глазами, как некий демон, томящийся в мрачном одиночестве страхом и тоскою» [15, с. 86].

Писемский изображает Калиновича, прежде всего, как человека делового, способного на поступок. Ради своей мечты Калинович предпринимает решительные шаги, не замыкается в кругу провинциального Энска. Герой Сологуба не способен к поступку, он колесит-куролесит по городу, мучимый честолюбивыми мечтами и всё больше погружается в тоску своего душевного состояния.

Л.А. Колобаева в работе «Русский символизм» обращает внимание на поведенческую стихию героя: «Мелкобесовская» суть главного героя, потребность делать пакости ближнему, выражается не в поступках собственно, не в действиях, а в пародии на поступки» [12, с. 102].

Всеми «поступками» Передонова движет страх: он опасается врагов по службе и женщин, которые его якобы преследуют. Он боится не получить инспекторское место. Добиться инспекторского места, по мысли героя, он может доносами и хождением по начальству, чтобы составить о себе благоприятное мнение.

Доносы, повальный взаимный страх, наговоры, слухи – всё это становится своеобразным бытом романа, то есть входит в повседневный уклад жителей города. Л.А. Колобаева такой «быт» называла «фантастически нелепым», «быт, прорастающий фантастикой» [12, с. 102–103].

Следует упомянуть, что Сологуб не беспристрастен к картинам повседневной жизни Передонова, он использует иронию как одно из средств постижения этого мира: «Ирония Сологуба, – по мнению Л.А. Колобаевой, – адресована не тому или иному отдельному лицу (характеру) или явлению, а самим основам мира, причем не преходящего, социального порядка, а онтологического, бытийного. За ней, сологубовской иронией, кроется отрицание универсальное и окончательное, исключаящее надежду на гармонию в мире, а если и допускающее возможность "справедливости", то только "сверхчеловеческой", лежащей по ту сторону земного бытия» [12, с. 115].

Передонов наносит визиты чиновникам, руководствуясь одновременно и страхом, что на него донесли, и желанием донести первому на любого. Он очень хочет получить место инспектора, а для этого нужно иметь о себе благоприятное мнение. Он тщательно подходит к выбору: кому первому нанести визит. «Для начала, – думал Передонов, – надо выбрать начальство попроще и там осмотреться, принюхаться, – видно будет, как относятся к нему, что о нем говорят. Поэтому, – решил Передонов, – всего умнее начать с городского головы» [15, с. 79]. Передонов последовательно осуществляет свой план посещений: городской голова, исправник, прокурор окружного суда, предводитель дворянства, директор гимназии, церковь.

Похожую картину с посещением чиновников читатель наблюдает и в романе Писемского «Тысяча душ». Калинович через некоторое время по приезде в город отправляется делать визиты, он ставит перед собой цель: завести полезные знакомства, что может помочь в его планах о богатстве и положении. Калинович ставит перед собой задачу казаться лучше, чем он есть. Он практичен, в то время как герой Сологуба трагичен и надломлен.

Одна из задач Писемского – показать мир во всём его многообразии. Его герой способен изменять свою повседневную жизнь. Он стремится к своей мечте и достигает её, совершая подлые поступки. Но в этом есть лишь только правда, обыденная правда. Эта правда провинции, пошлости превратится у Сологуба в страшное гротескное существование мертвого.

Передонов не принимает внутренних решений, его душа уже мертва, его движение только вниз, в ещё более глубокую бездну, он не различает добро и зло, ему одинаковы день и ночь. Калинович же ещё способен осознавать свои поступки. Через десять лет он возвращается в Энск с надеждой хоть что-то изменить.

Мир произведения Писемского представляет собой некоторое единое пространство, тогда как у Сологуба изначально трагическое ощущение действительности, в которой нет гармонии, и преобразование мира возможно только через сверхъестественное чудо. В романе «Мелкий бес» тесно сплетено фантастическое и реальное, пронизанное иронией. Иронию В.Я. Сологуба Брюсов называл «дьявольской усмешкой» [4, с. 578], адресованной самим основам мира.

Оба писателя стремятся изображать то, что было увидено и пережито ими самими. Они умеют мастерски наблюдать. Повседневность для них является одной из главных составляющих человеческой жизни, бытия и одной из причин того или иного поведения героев, их поступков, характера.

В заключение отметим, что прямого влияния творчества Писемского на поэтику Сологуба, на наш взгляд, скорее всего не было. Но внутренние типологические связи нельзя оставить без внимания. Писемский не мог, хотя бы в силу своей литературной популярности, не быть известным Сологубу.

Список литературы

1. Анненский-Кривич В. И. Две записи / В. И. Анненский-Кривич // Сологуб Ф. Творимая легенда. – М., 1991. – Кн. 2. – С. 248–256.
2. Белый А. Федор Сологуб / А. Белый // Сологуб Ф. Собрание сочинений : в 6 т. – М., 2001. – Т. 6. – 602 с.
3. Блок А. А. О реалистах / А. А. Блок // Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. – М. – Л., 1962. – Т. 5. – С. 18–25.
4. Брюсов В. Я. Федор Сологуб. Книга сказок / В.Я. Брюсов // Сологуб Ф. Собрание сочинений : в 6 т. – М., 2001. – Т. 2. – 600 с.
5. Геопанорама русской культуры. Провинция и её локальные тексты. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 672 с.
6. Гиппиус З. Н. Отрывочное о Сологубе / З. Н. Гиппиус // Воспоминания о Серебряном веке. – М., 1993. – С. 91–98.
7. Измайлов А. А. У Сологуба (интервью) / А. А. Измайлов // Сологуб Ф. Творимая легенда. – М., 1991. – Кн. 2. – С. 228–232.
8. Дунаев М. М. Русская литература конца XIX – начала XX столетия / М. М. Дунаев // Дунаев М.М. Православная литература. Собр. сочинений : в 6 т. – М., 2003. – Т. 5. – С. 208–211.
9. Журавлева А. И. Русская драма и литературный процесс XIX века / А. И. Журавлева. – М., 1988. – 198 с.
10. Захаров А. А. Провинция в изображении Писемского: К проблеме метода / А. А. Захаров // Захаров А. А. Актуальные проблемы современного литературоведения. – М., 1997. – С. 43–45.

11. Казари Р. Русский провинциальный город в литературе XIX в. Парадигма и варианты / Р. Казари // Русская провинция: миф-текст-реальность. – М. – СПб. : Тема, 2000. – С. 164–170.

12. Колобаева Л. А. Федор Сологуб / Л. А. Колобаева // Русский символизм. – М., 2000. – С. 83–117.

13. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции дворянства (XVIII – начала XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб., 1994. – 194 с.

14. Писемский А. Ф. Тысяча душ / А. Ф. Писемский // Писемский А.Ф. Собрание сочинений : в 9 т. – М., 1959. – Т. 3. – 477 с.

15. Сологуб Ф. Мелкий бес: Роман. Рассказы. Сказки. Статьи / Ф. Сологуб // Сологуб Ф. Собр. соч.: в 6 т. – М., 2001. – Т. 2. – 621 с.

16. Тютелова Л. Г. Синтез документального и художественного в образе провинциального города на материале тольяттинской драматургии / Л. Г. Тютелова // Филология и культура. Philology and culture. – 2016. – № 2 (44). – С. 292–296.

17. Ходасевич Вл. Федор Сологуб / Вл. Ходасевич // Некрополь. – М., 2015. – С. 22–25.

18. Чудаков А. П. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого: Очерки поэтики русских классиков / А. П. Чудаков. – М., 1992. – 320 с.

19. Шелгунов Н.В. Люди сороковых и шестидесятых годов / Н. В. Шелгунов // Н.В. Шелгунов. Литературная критика. – М., 1974. – С. 39–209.

References

1. Annenskij-Krivich V. I. Dve zapisi // Sologub F. Tvorimaya legenda. M., 1991. Kn. 2. – pp. 248-256.

2. Belyj A. Fedor Sologub // Sologub F. Sobr. soch.: in 6 vol. M., 2001. Vol. 6. 602 p.

3. Blok A. A. O realistah // Blok A.A. Sobr. soch.: in 8 vol. M. – L., 1962. Vol. 5, pp. 18-25.

4. Bryusov V. Ya. Fedor Sologub. Kniga skazok // Sologub F. Sobr. soch.: in 6 vol. M., 2001, Vol. 2. 600 p.

5. Geopanorama russkoj kul'tury. Provinciia i ee lokal'nye teksty. M.: YAzyk slavyanskikh kul'tur, 2004. 672 p.

6. Gippius Z. N. Otryvochnoe o Sologube // Vospominaniya o serebryanom veke. M., 1993, pp. 91–98.

7. Izmajlov A.A. U Sologuba (interv'yu) // Sologub F. Tvorimaya legenda. – M., 1991. Book 2, pp. 228–232.

8. Dunaev M.M. Russkaya literatura konca HHH – nachala HKH stoletiya // Dunaev M.M. Pravoslavnaya literatura. Sobr. soch.: in 6 vol. M., 2003. Vol. 5, pp. 208–211.

9. ZHuravleva A.I. Russkaya drama i literaturnyj process XIX veka. M., 1988. 198 p.

10. Zaharov A.A. Provinciia v izobrazhenii Pisemskogo: K probleme metoda // Zaharov A.A. Aktual'nye problemy sovremennogo literaturovedeniya. M., 1997. pp. 43-45.

11. Kazari R. Russkij provincial'nyj gorod v literature XIX v. Paradigma i varianty // Russkaya provinciia: mif-tekst-real'nost'. M., SPb.: Tema, 2000, pp. 164-170.

12. Kolobaeva L. A. Fedor Sologub // Russkij simbolizm. M., 2000, pp. 83–117.

13. Lotman Yu.M. Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii dvoryanstva (XVIII – nachala XIX veka). SPb., 1994. 194 p.

14. Pisemskij A.F. Tysyacha dush // Pisemskij A.F. Sobr. soch.: in 9 vol. M., 1959. Vol. 3. 477 p.

15. Sologub F. Melkij bes: Roman. Rasskazy. Skazki. Stat'i // Sologub F. Sobr. soch.: in 6 vol. M., 2001, Vol. 2. 621 p.

16. Tyutelova L. G. Sintez dokumental'nogo i hudozhestvennogo v obraze provincial'nogo goroda na materiale tol'yatinskoj dramaturgii // Filologiya i kul'tura. Philology and culture. Tol'yatti, 2016, № 2 (44), pp. 292–296.

17. Hodasevich VI. Fedor Sologub // Nekropol'. M., 2001, pp. 22–25.

18. CHudakov A. P. Slovo – veshch' – mir. Ot Pushkina do Tolstogo: Ocherki poehtiki russkih klassikov. M., 1992. 320 p.

19. Shelgunov N.V. Lyudi sorokovyh i shestidesyatyh godov // N.V. SHelgunov. Literaturnaya kritika. M., 1974, pp. 39–209.
